

АЛМАЗ БРИЛЛИАНТУ НЕ СУДЬЯ

**БОРИС
ВАСИЛЬЕВ**

16+

Борис Александрович Васильев

Алмаз бриллианту не судья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51650648

SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть «Алмаз бриллианту не судья» – завершающая часть трилогии «Спиралью вьются чьи-то судьбы». Стрельникову не удалось избежать соблазна, и правосудие восторжествовало! Его ангел-хранитель в шоке: для того ли берег, лелеял и пестовал?! Но Виктор не из тех, для кого кича дом родной, кто покоряется злему року. И, вот оно: нападение – захват заложника – побег – убийство. Знал бы капитан, что ему уготовано на воле, вряд ли решился бы на отчаянный шаг. Теперь либо пробиваться к вершине криминальной пирамиды, либо затаиться и вести образ жизни ниже плинтуса. Что выберет наш герой? Окажет ли Фортуна свое благорасположение к идущему по острию ножа? Да и достоин ли он его?

Борис Васильев

Алмаз бриллианту не судья

1

Обогнув малиново-сизое в лучах низко висящего солнца тяжелое облако, МИ-8 завалился на бок и по крутой дуге устремился вниз, на стоящую прямо под ним группу людей в офицерской форме. Со стороны могло показаться, что винтокрылая машина вот-вот сорвется с глиссады и рухнет в глубокий снег, взметнув высоко в небо фонтан огня в ореоле черного дыма. Но трагическим прогнозам собравшихся, которые непроизвольно стали оглядываться по сторонам в поисках спасительного укрытия, не суждено было сбыться. Не долетая до земли какую-то сотню метров, пилот лихо развернул тяжелую, с виду неуклюжую машину, и она, образовав вокруг себя вихрящееся снежное марево, мягко коснулась земной тверди неподалеку от еще со вчерашнего вечера расчищенной, а потом еще и утрамбованной сотнями ног площадки.

– Становись! – гулко разнеслась команда, и замерзшие в ожидании на пятнадцатиградусном морозе осужденные, до того кучковавшиеся во дворе жилой зоны, опрометью бросились строиться в две шеренги. Замешкавшихся конвоиры – солдаты-контрактники, не церемонясь, подгоняли пинками.

Плაც прочертила почти ровная двойная полоса, состоящая из людей в черных телогрейках, одинаковых шапках-ушанках и ватных штанах, из-под которых высывались тяжелые, грубо сляпанные ботинки на толстой подошве.

Из открытой двери приземлившегося вертолета ловко выпрыгнул невысокий подполковник в шинели крапивного цвета, ярко выделяющейся на голубом, покрытом изморозью борту. Его маленькую голову покрывала такого же зеленоватого цвета фуражка с неимоверно высокой, сшитой по особому заказу тульей, которая делала своего владельца похожим на гриб зеленуху, только с непропорционально толстой ножкой. Оказавшись на снегу, подполковник огляделся и замер в ожидании. Тут же в темном проеме люка показался красный верх склоненной, словно в поклоне, папахи и нога в легком ботинке. Через несколько секунд высокий, молодецкого вида генерал уже стоял рядом с подполковником, по колени, как и он, утопая в рыхлом снегу.

– Ну, что я говорил? Надо было весь плац расчистить, – чуть повернувшись к щуплому капитану, поспешившему юркнуть за спины других встречающих, прошипел стоявший на два шага впереди других начальник колонии. – Тащи теперь этого борова на своем горбу.

– Так, кто же знал, товарищ полковник, где они сядут? На машине ждали. Да и завтра же...

К этому визиту, который, случился на сутки раньше запланированного и поэтому практически свел на нет все пла-

ны администрации и хлопоты заместителя по хозяйственной части, в колонии готовились загодя. Уже несколько лет никто из инспектирующих в звании старше подполковника сюда носа не казал. Приезд генерала из главного управления стал особым событием в этом, казалось бы, Богом забытом учреждении, которое затерялось в лесах, покрывавших склоны невысоких гор. Больше походившие на отлогие холмы и, возвышавшиеся горбами над округой, они со всех сторон обступали зону.

Заклученная в деревянный, с торчащими по периметру вышками, высокий забор, обнесенный колючей проволокой, и разделенная на две неравные части – производственную и жилую, колония эта сейчас не числилась образцовой, но в свое время была показательной. Когда-то, так давно, что об этом мало кто помнил, здесь на блатной должности библиотекаря отбывал срок, осужденный невесть за что, один из руководителей министерства внутренних дел. Место это считалось наиболее привилегированным по сравнению с другими колониями, в которых содержались бывшие сотрудники милиции, и прокуратуры. Но через несколько лет слава ее закатилась так же внезапно, как и взошла. Бывшие генералы сюда больше не попадали, полковников и всяких майоров тоже было немного. В основном здесь «мотали срок» младшие офицеры, сержанты да рядовые милиции, осужденные за различные, в основном, должностные преступления. Но встречались и личности уникальные. Бывший старший

лейтенант Сергей Пантелеймонов попал сюда за убийство по «политическим» мотивам брата-близнеца Никиты. Незадолго до очередных выборов в Государственную Думу трое братьев – милиционеров из одного подразделения схлестнулись за столом: при ком на Руси будет жить хорошо? Победил Сергей, приверженец левых сил. Он молча слушал запальчивые доводы оппонентов, а потом, достав висевший здесь же, в кобуре на спинке стула табельный пистолет, расстрелял обоих своих «политических противников». Одного ранил, другого уложил наповал.

Содержать «оборотней в погонах» вместе с уголовниками без погон значило обречь милиционеров на верную гибель. Оборотнями этих молодых ребят из патрульно-постовой службы, автоинспекторов, омоновцев, не достигших возраста Христа, но успевших особенно «отличиться» в яростной борьбе с криминалом, стали называть с легкой руки очередного министра внутренних дел. Но, не обладая ни звериным оскалом, ни тем более, хищническим нравом, противостоять хорошо организованному и воспитанному на тюремных традициях уркам провинившиеся перед законом «менты» были не в состоянии. И потому чалились в отдельных, специально для них предназначенных колониях.

В отличие от всех прочих уголовников на режим содержания эти осужденные, как правило, не жаловались по той простой причине, что, поварившись в правоохранительной системе, были уверены в бессмысленности такого дурного

занятия. Побегов здесь тоже не случилось. Куда побежишь, если кругом на сотню километров никакого жилья? Летом в лесу непроходимые топи, а зимой... Зимой мороз намертво сковывал даже мысли о побеге. Да и что толку, если окажешься на воле? Тут обстоятельства особые. Среди уголовной братвы не затешешься – враз вычислят, и к своим не подашься – сами же и «заметут». Оставалось коротать годы в ожидании окончания срока, чтобы потом всю оставшуюся жизнь доказывать свою белизну и незаурядную пушистость.

Колония и дальше жила бы по своему, давным-давно заведенному полусонному распорядку, если бы не гости. Ждали не только генерала. Вместе с ним должен был прилететь недавно избранный новый губернатор области. Никто не знал, что ему здесь понадобилось, но слух о высокопоставленном визитере тут же облетел колонию и поставил ее на уши. Больше всех, как обычно, досталось контингенту. Осужденным пришлось в авральном порядке приводить себя самих и все помещения жилого блока в благообразный вид. Срочно ремонтировали столовую, отскабливали грязь, въевшуюся в давно не менявшиеся доски полов, в спальнях повесили невесть откуда взявшиеся занавески, теперь нелепо смотревшиеся на фоне обветшавших оконных рам, покрытых коростой облупившейся краски.

Мысленно проклиная на ходу своих подчиненных за нерасторопность, полковник поспешил навстречу высокому гостю. Тот, стараясь не обращать внимания на тут же обра-

зовавшиеся в обуви мокрые ледышки и насквозь промокшие носки, бодро шагал по снежной целине. Новенькая, чуть ли не вчера пошитая шинель, сидела на нем, как влитая. С близкого расстояния становилось очевидно, что генерал не так уж и молод. Мгновенно заалевшие на морозе щеки скрывали его возраст, он наверняка знал об этом и всю старался придать своему лицу соответствующие званию серьезность и значительность. За ним, стараясь ступать след в след, сменяли сопровождающие. Губернатора не наблюдалось, и у начальника колонии немного отлегло от сердца.

Лопасты винта продолжали медленно вращаться, и полковник отметил про себя, что генерал не собирается задерживаться и «приятный во всех отношениях» визит, по всей видимости, не займет много времени. Значит, проверяющий не будет особо вникать в дела, и предстоящий обед пройдет в теплой дружественной обстановке.

Переходя на строевой шаг в пяти метрах от шагающего ему навстречу генералу, полковник чуть было не упал, споткнувшись о внезапно пронзившую его мысль: получая инструкции сверху, он не удосужился узнать, какой коньяк предпочитает генерал. А от такой оперативно-служебной информации, как он твердо знал, напрямую зависят результаты инспектирования.

Выслушав рапорт и поздоровавшись за руку с полковником, его заместителями и начальниками отрядов, генерал подошел к застывшим в строю осужденным, которых невесть

зачем выставили на мороз. То ли в качестве почетного караула, то ли, чтобы показать «товар» лицом. Начальник колонии тоже недоумевал по этому поводу, но проигнорировать «высокое распоряжение» не посмел. Не утратив выправки и подсознательного уважения к золотистым погонам, каждый из стоявших в строю, оказавшись лицом к лицу с генералом, невольно впивался взглядом в его глубоко посаженные серые и оттого отдающие холодом глаза и четко представлялся. Сотрудники администрации колонии неотступно следовали за проверяющим, отставая от него не приличествующее случаю расстояние.

Очередной осужденный – невысокий, со впалыми щеками на лице, с явственно выделяющимся тонким прямым носом с заметной родинкой под ним, одетый, как и остальные в черную телогрейку и шапку с завязанными под подбородком клапанами, чем-то привлек особое внимание генерала. Остановившись, он внимательно осмотрел парня с головы до ног, для чего ему пришлось немного отступить, и уголки его губ слегка дрогнули.

– Осужденный Стрельников, – представился парень и протянул генералу руку.

Генерал, видимо, на какое-то время выпав из реальности и находясь мыслями далеко от окружающей его действительности, машинально сделал шаг навстречу и ответным жестом подал свою широкую ладонь осужденному. Реакция парня оказалась ошеломляющей. Резко схватив правую руку гене-

рала за запястье, Стрельников дернул ее на себя, пригнул и тут же левой рукой ударил по локтю. Еще мгновение и он заломил руку генерала ему за спину.левой рукой он удерживал свою жертву хорошо отработанным приемом, а правой обхватил ее за шею. Перед глазами генерала мелькнула длинная, изготовленная из обломка стальной ножовки с острыми высоким зубьями, заточка. Офицеры застыли, будто всех разом поразил коматозный ступор. Строй осужденных дрогнул.

– Разойдись, падлы! – орал Стрельников, стороной обходя замерших офицеров и толкая впереди себя генерала.

Никто не успел ничего предпринять, как с близстоящей вышки раздалась автоматная очередь. По всей видимости, находившемуся на ней солдату никогда прежде не доводилось ломать голову над проблемной ситуацией. Не оскверненный интеллектом его мозг напрямую отдал приказ рукам, и пальцы, подчинившись немудреной команде, щелкнули предохранителем, передернули затвор и нажали на спусковой крючок. С соседней вышки донеслась вторая очередь.

– Не стрелять! – во все горло гаркнул полковник, когда черед пуль, пройдясь вдоль заложника и захватившего его осужденного, прошила полу генеральской шинели. – Не стрелять! – Он бросился на выручку к генералу.

– Назад! – завопил Стрельников, который тем временем, не обращая внимания на выстрелы, без особых усилий тащил свою жертву к вертолету. На морозе его голос сорвался,

и он зашелся в кашле. – Скажите, чтобы отстали, – через силу прохрипел он ему на ухо. – Поздняк метаться.

– Отставить – спокойно и даже, как показалось окружающим, равнодушно громко скомандовал генерал. – Всем оставаться на своих местах!

Из-за угла жилого двухэтажного корпуса появились четверо солдат. Впереди бежал сержант в распахнутой чуть ли не до пояса гимнастерке. Грудь его туго обтягивала белая нижняя рубашкой. Выброшенная из караульного помещения грохотом неожиданных выстрелов, отдохавшая смена неслась к месту происшествия, на ходу передергивая затворы автоматов.

– Назад! – широко расставив руки в стороны, бросился им навстречу один из офицеров. – Не стрелять!

Дотасив генерала до открывшегося при их приближении двери вертолета, Стрельников, не отводя заточки от его горла, забрался внутрь и втащил за собой задержавшуюся у трапа свою жертву. Дверь захлопнулась.

Офицеры в окружении солдат, открывших по чьей-то команде шквальный огонь поверх винта, бросились к вертолету. Кто-то бабахнул из ракетницы. Лопасты уже набирали обороты. Они слились в гудящий диск, машину затянуло взвихренным снегом. Один из офицеров бросился на стойки шасси, словно собираясь своим весом прижать машину к земле. За ним последовали еще несколько человек, но вертолет, для которого и куда более тяжелая ноша была по силам, медленно оторвался от земли. Зависнув на какое-то мгновение, он слегка накренился и прицепившиеся к шасси офицеры и солдаты, кувыряясь, посыпались вниз. Одному из солдат удалось обхватить руками колесо. Медленно набирая высоту, вертолет пошел в сторону. Солдат подтянулся, и, зацепившись ногой за стойку шасси, намертво прилип к ней.

– Прыгай! – кричали ему снизу. – Прыгай!

Но он уже ничего не мог расслышать за гулом винта, возносившего машину к низко нависшим облакам. Даже попытаться он расцепить руки, у него ничего не получилось бы. Страх и холод сковали его конечности.

Но вот, наконец, его тело, совершив кульбит в воздухе, с десятиметровой высоты рухнуло вниз и покатилося по склону пригорка, увлекая за собой поток снега. Угодив внизу в глубокую яму, бедолага исчез в белой топи.

Провожая взглядом удаляющийся и тающий в вечерних сумерках вертолет, начальник колонии достал из кармана си-

гареты, не глядя, сунул одну из них в рот фильтром наружу, прикурил и, не ощущая ни горлом, ни легкими удушливого дыма, глубоко затянулся. В глазах его была пустота и отрешенность. Он не видел, как загоняли в жилой корпус исступленно вопящих от возбуждения осужденных, как солдаты под руки привели сорвавшегося с вертолета, но благополучного завершившего полет парня. Полковник зачем-то положил все еще дымящуюся сигарету, которой так и не смог затянуться, в карман шинели и неторопливо направился к административному корпусу, не отдав никаких распоряжений своим заместителем, не обратив внимания на других офицеров, провожающих его сочувственными взглядами. В этот момент его не интересовало, сообщил ли дежурный по колонии о чрезвычайном происшествии руководству областного управления, и даже судьба захваченного генерала его несколько не беспокоила. Прослужив в системе большую часть жизни, он не сомневался, что дни его на теперешней должности сочтены, и столь долгожданная пенсия, о которой он с благоговением мечтал последние годы, оказалась под большим и тяжелым вопросом. Все его существо было заполнено ощущением безысходности, полной зависимости от обстоятельств, на которые он теперь никак не мог повлиять.

Войдя в свой кабинет, полковник запер за собой дверь на ключ, достал из сейфа пистолет и опустился в свое любимое, служившее ему второй десяток лет кресло. Поглаживая вороненую сталь, он долго и пристально вглядывался в

небольшой портрет бывшего министра внутренних дел Николая Щелокова с его собственноручной дарственной надписью, стоявший перед рядом книг на полке застекленного шкафа у противоположной стены. Полковник словно советовался с ним, как жить дальше. И жить ли вообще?

2

А вертолет тем временем уходил на запад. По шее генерала, в том месте, где кожа соприкасалась с заметно заржавевшими, но от того не ставшими менее острыми зубьями заточки, сочилась и впитывались в шарф струйка крови. Но он этого не замечал или делал вид, что не чувствует боли. Глаза его был по-прежнему спокойны, взгляд сосредоточен и уверен. Лишь один единственный раз, когда после доклада пилота о том, что они возвращаются на точку зэк, угрожая смертью, сорвал с него наушники и, сунув их в карман телогрейки, приказал не прикасаться к рации, генерал от злости закрипел зубами и дернулся, чтобы перехватить руку с зажатой в ней заточкой. Но Стрельников ловко увернулся от захвата, и железка больно впиалась в шею генерала.

– Не балуй, – прохрипел Стрельников. – Жить надоело?

Все это происходило на глазах пилота, но тот не решался что-либо предпринять, чтобы не навредить высокопоставленному пассажиру. Получив от генерала приказ выполнять все указания захватившего вертолет осужденного, вскоре

потребовавшего изменить курс, он вел машину в неизвестность. У него еще оставалась надежда, что генерал вот-вот начнет переговоры с террористом. Может быть, все обойдется и ему удастся уговорить зэка вернуться в колонию. Но время шло, а генерал, видимо, смирившись со своей участью, не предпринимал никаких попыток к спасению. Румянец давно сошел с его лица. Теперь оно было бледным и не выражало ничего, кроме покорности судьбе.

Немного освоившись в ситуации, пилот стал ощущать в боковом кармане своей куртки тяжесть табельного пистолета, которое ему выдали утром в связи с тем, что предстояло возить почетного гостя, и следовало исключить «непредвиденные обстоятельства», о которых ему на инструктаже втолковывал командир отряда. Но, поскольку никто не удостоился объяснить ему, что это за обстоятельства такие, пилот, услышав стрельбу в колонии и глядя, как одного из его пассажиров ведут к вертолету, решил, что его не захватили, а наоборот, спасают, уводя подальше от бунта, учиненного осужденными. Тем более, что никто из офицеров, наверняка вооруженных, даже не сделал попытки достать пистолет. Пилот предупредительно открыл люк и помог забраться в машину сначала Стрельникову, а затем и генералу. Быстро сообразив, что произошло на самом деле, он сунул было руку в карман, но получив от зэка ощутимый удар головой в нос, смиренно повалился на свое место.

Удерживая одной рукой штурвал, пилот стал осторожно,

так, чтобы не было заметно со стороны, продвигать вторую руку к внутреннему карману. Он не мог связаться по радиии с диспетчером на аэродроме, не мог видеть, что происходило за его спиной, но, ощущая затылком неподвижный, лишенный эмоций и не предвещавший ничего хорошего взгляд преступника прекрасно отдавал себе отчет в том, что, оплошай он сейчас, то вряд ли доведет генерала до города живым. Да и самому ему несдобровать, как только они где-нибудь сядут. Наверняка у парня есть какой-то план, которым их появление в городе в ближайшее время не предусмотрено. Да и в других местах их возможного приземления, куда уже наверняка спешат милицейские группы захвата, он покинуть вертолет не собирается. Скорее всего высаживать его придется где-то около железнодорожного полотна, откуда он попытается скрыться на проходящем поезде.

Рассуждая так про себя и выстраивая логическую цепь возможных поступков преступника, пилот продолжал тянуться к своему карману.

За его спиной что-то грохнуло.

Резко обернувшись, пилот увидел, как генерал стоит посреди салона, напряженно наклонившись вперед. Свалившийся от его мощного удара и отлетевший к борту зэк зашевелился, потом поднялся на колени и замер так, опираясь руками об пол. Помотав головой из стороны в сторону, он вдруг оттолкнулся от пола всеми четырьмя конечностями и со всей силой ударил генерала головой в живот. Навалив-

шпись на него, размахнулся и всадил ему в грудь зазубренную заточку. Генерал охнул и осел на пол кабины.

Выдернув заточку из обмякшего тела и отбросив оказавшуюся у него под ногами папаху, Стрельников в один прыжок достиг кресла пилота и уже привычным движением прижал острые зубья к его горлу. Пилот почувствовал, что сделай он хоть малейшее неосторожное движение или скажи что-то не так, одного взмаха пилой преступнику будет достаточно, чтобы это слово или движение стало для него последним. Если он умеет управлять вертолетом, то сможет сделать это в любое мгновение.

– Я же говорил, чтоб не рыпался, – Стрельников еще сильнее прижал заточку к горлу пилота. – Видал, – кивнул он куда-то назад, – туда же захотел?

Он сунул руку в боковой карман куртки пилота и достал пистолет.

– Вот то-то же, – прохрипел он, убирая пистолет в карман телогрейки, где уже лежали провода и наушники.

Тихие стоны смертельно раненого генерала прекратились.

– Где мы? – спросил Стрельников, раскладывая перед пилотом карту.

– Здесь, – почти не глядя, ткнул тот пальцем в лист перед собой.

– Давай направо.

– Зачем?

Он не успел закончить вопрос, как ощутил резкую боль в

шее и тепло струйки крови, юрко побежавшей за воротник форменной рубашки.

– Затем, – последовал ответ. – Через десять минут снижаемся.

Внизу за бортом снега уже не было видно, зато четко просматривались огни поселков, свет фар движущихся по дорогам автомобилей.

Впереди показалось зарево.

– Что это? – спросил Стрельников, протягивая руку и одновременно косясь в карту.

– Стефаново, – ответил пилот.

– Давай еще правее.

Вертолет слегка накренился и сделал доворот.

– Опускайся! – приказал Стрельников.

– Я в темноте не сяду, – робко предупредил пилот. – Внизу снег, ничего не видно.

– Я тоже думал, что не сяду. А оно вон, как получилось, – чуть ли не весело усмехнулся Стрельников, продолжая контролировать пилота.

– Что же мне с ним делать, – пробурчал он себе под нос, усаживаясь поудобнее за спиной пилота, но достаточно громко, чтобы тот его слышал. – Пришить – упадем, оставить в живых – расскажет, где приземлились.

– Зачем тебе меня убивать? – плаксиво протянул пилот. – Что я тебе плохого сделал? Я ничего никому не скажу.

– У них быстро заговоришь. По себе знаю. Сейчас сядем,

и, пожалуйста, прирежу тебя.

Машина дрогнула и нырнула носом вниз.

– Но, но! Не балуй. Я тебе, что, урка поганая? Пошутил я. Ладно, живи пока. Но, если узнаю, что ты меня сдал...

– На кой черт мне тебя сдавать? Иди своей дорогой. Где садимся?

– Гони к шоссе. Вон, видишь? Справа.

– Может отдашь пистолет-то? – в голосе пилота фальшиво прозвучали гнусавые нотки. – Как я без него вернусь? Меня же за это под суд отдадут.

– Скажи спасибо, что вообще вернешься. А от тюрьмы да от сумы... Или передумал?

Пилот непроизвольно обернулся и уперся щекой в острие заточки.

– Ладно, ладно, шучу.

Машина шла на небольшой высоте параллельно шоссе, по которому, толкая перед собой пятна света, с большими интервалами двигались машины, которых с каждой минутой становилось все меньше и меньше. Стрельников пристально вглядывался вниз, выискивая там что-то, только одному ему известное.

– Вон, трайлер впереди. Видишь? Давай к нему и снижайся. Подойдешь и зависнешь. И не балуй у меня. Не я, так пацаны все равно тебя достанут. Включай нижнюю фару.

Трайлер, груженный новенькими «автомобилями» двигался ровно и степенно.

– Уровняй скорость, снижайся. Ниже, еще ниже.

Стрельников открыл дверь, в кабину вместе с потоком обжигающе холодного ветра ворвался грохот двигателя.

– Ниже, я сказал.

Глаза пилота, прикованные к трайлеру, начали расширяться от ужаса. Он четко представил себе, как, сорвавшись с платформы, зэк свалится под колеса грузовика и при той скорости, с которой они двигались, его тело разлетится на куски, ударившись об асфальт.

– Ниже! – орал Стрельников, пытаясь перекричать раздававшийся над головой грохот. – Я, что тебе, каскадер что ли?

– Куда еще ниже? Зацепимся!

Внезапно трайлер под ними резко снизил скорость. Вертолет рывком ушел вперед, оставив грузовик позади себя.

– Назад! – заорал Стрельников.

Сделав разворот, пилот начал готовиться к новому заходу. Стрельников, лег на живот, растянулся на полу и постепенно спускался за борт. Когда вертолет оказался над трайлером, ноги его уже болтались в пустоте. Несколько секунд он висел на одних руках, пилот видел только его побелевшие от напряжения пальцы, вцепившиеся в нижний край люка. Еще мгновение, и они исчезли. Машину слегка качнуло.

Не глядя вниз, пилот захлопнул дверь и резко набрал высоту. Не сверяясь с картой местности, которую и так знал наизусть, он развернул машину и на полной скорости устремился к своему аэродрому. Взглянув на часы, он не пове-

рил глазам: с момента взлета в колонии прошло не больше пятнадцати минут, показавшиеся ему несколькими часами. Он все еще был в шоке от произошедшего с ним и не сразу вспомнил о генерале, неподвижно лежавшем у правого борта. «В больницу! Скорее в больницу! – билась у него в мозгу единственная мысль, не давая возможности поднимающемуся откуда-то изнутри страху овладеть его существом и превратить невероятный сон в жуткую реальность.

Водитель трейлера включил ярко вспыхнувшие в сумерках огни аварийной остановки и грузовик, дыхнув тормозными шлангами, замер на обочине. Спрыгнув на асфальт, шофер обошел кабину и пристроился у правого переднего колеса. По лицу его, время от времени освещаемому фарами встречных автомобилей, блуждала блаженная улыбка. Он изредка затягивался сигаретой, кончик которой то вспыхивал, отражаясь в зрачках глаз, то затухал, и тогда темнота скрадывала суточную щетина на его подбородке и усталые мешки под глазами. Постояв так несколько минут, он слегка подпрыгнул, застегнул молнию на ширинке и, щелчком отбросив окурок сигареты далеко в кювет, забрался в теплую кабину. Машина неспешно двинулась дальше.

За гулом мерно рокочущего мотора и музыкой, раздававшейся в наушниках плеера, он не слышал, как последний из стоявших на нижней платформе автомобилей легко соскользнул по направляющим, ударился задним бампером об асфальтовое покрытие заснеженного шоссе и покатился

вслед за грузовиком. Метров через пятьдесят она остановилась, а, спустя пару минут, когда трайлер, набрав скорость, уже был далеко, развернулась и устремилась в противоположном направлении. На полу под передним водительским сидением появилась лужица крови. Перетянув ногу выше лодыжки, которую он, приземляясь на трайлер, разорвал о какую-то железку, жгутом из полиэтиленовой пленки, покрывавшей сидение, беглый зэк гнал машину в темноту.

3

Всего полчаса назад здесь прошел снегоочиститель, а буд-то его и вовсе не было – пути уже перемело. Машинист, сколько ни вглядывался в белое марево, разверзавшееся перед локомотивом, ничего не мог разглядеть в снежной пелене. Но он точно знал, что впереди «зеленый», и не очень беспокоился.

Зато пассажирам пришлось поволноваться: скорый опаздывал уже на полтора часа. Все разговоры в вагоне сводились к одному: нагонят или не нагонят, войдут ли в график за оставшиеся двести с небольшим километров. Больше говорить было не о чем. Многие еще с вечера успели перезнакомиться и пересказать друг другу свои нехитрые житейские истории, и поутру, толпясь в тамбуре у туалета с полотенцами через плечо, встречали подходящих приветливыми улыбками, как давних знакомых. Дети носились по проходу под

ленивые окрики родителей.

Поездная жизнь шла своим чередом, и только в десятом купе девятого вагона было тихо. С самого вечера дверь его ни разу не открылась. Проводник попытался предложить одинокому пассажиру традиционный чай, но, услышав в ответ резкое «Спасибо, не надо», удалялся, ворча себе что-то под нос. Такие пассажиры, запиравшиеся с вечера и почти не появлявшиеся на людях до конца поездки, в его практике встречались нередко. Иногда это были молодые пары, искавшие экзотического уединения. Они оплачивали все купе и до полного изнеможения придавались радости тесного общения. Обалдевшие, истомленные, они вываливались ближе к концу пути в коридор и, не замечая никого вокруг, подолгу смотрели в окно, сросшись плечами. Но чаще группировались командированные – мужчины немного старше среднего возраста. Безошибочно находя в вагоне собратьев по служебному долгу, они менялись местами с другими пассажирами и объединялись в неразлучный до конечной станции коллектив единомышленников. Иногда приходилось вызывать милицейский наряд сопровождения поезда, чтобы вмешаться в возникавшие между ними разногласия по вопросам «международной и внутренней политики», когда все доводы были исчерпаны и в ход шли кулаки. Но это случалось редко, обычно они проводили время в мирной оживленной беседе, которая время от времени прерывалась мелодичным перестуком сдвигаемых стаканов, да ласковым, едва слыш-

ным из-за двери позвякиванием упавших на пол и покотившихся на повороте бутылок. Интеллигентные посланцы различных ООО, ЗАО и прочих коммерческих структур оттягивались под покровительством Меркурия профессионально, не рискуя.

Но тот, из десятого купе, вел себя необычно: никому в гости не набивался и к себе не приглашал. Проводник еще при посадке обратил на него внимание. Среднего роста, немного сутулый, но не старый, лет около сорока, он старался казаться как можно менее заметным. И, чем больше старался, тем хуже у него это получалось. Временами он настороженно озирался, а, когда проводник спросил у него, ждет ли он попутчиков, мужчина пугливо сжался и, прежде чем отрицательно покачать головой, резко повернулся спиной к вагону, словно ожидая нападения.

Несмотря на мороз, на нем было дорогое, хотя и длинное, чуть ли не до земли, но легкое светло-бежевое пальто. А на ногах летние, такого же цвета, только более темного оттенка, туфли из мягкой, даже на вид, кожи. Явно чужая поношенная кепка едва прикрывала макушку его непропорционально большой головы, непонятно как уместившейся на узеньких плечах. Высокий и гладкий, без единой морщинки лоб выдавал в нем личность незаурядную. С одеждой пассажира резко контрастировало землистого цвета лицо с зеленоватыми кругами под глазами и впавшими щеками. Диссонанс усиливался его манерой втягивать голову в плечи при каж-

дом мало-мальски громком звуке. Этим он напоминал станционного пьянчужку, которые во множестве возникали перед остановившимся на пару минут поезде, чтобы разжиться чем-нибудь у пассажиров или украсть что при случае.

Эта пугливость стала его обычным состоянием с момента первого ареста в Брюсселе. Нет, никого недавно освободившийся зэк по кличке Бухарь не ждал. Любая встреча с кем бы то ни было для него была не только нежелательна, но и, более того, попросту страшна. Сейчас, между волей и неволей, между прошлым и будущим он был никто. Даже со справкой об освобождении, и это его даже радовало. Он отчетливо осознавал, что за ним уже началась охота, и его все чаще и чаще охватывало состояние близкое к панике. Но вот уже восемнадцать часов ничего особенного не происходило, и в отдаленных уголках сознания Андрея Степановича Ягненкова начала зарождаться надежда, что все обойдется. «Чем черт не шутит, может быть и удасться проскочить, – размышлял он в уютном тепле вагона, когда, засунув дорожную сумку под одну из нижних полок и сняв поскорее пальто, закутался в синее с блеклыми полосами одеяло и запер дверь. – В конце концов, не все так плохо. Впереди, как минимум, три, а то и четыре десятка лет жизни. Надо быть идиотом, чтобы не воспользоваться ими в свое удовольствие. А неприятности... Кто же от них застрахован? Волки на то и существуют, чтобы овцы от скуки не передохли. Прорвемся!»

Настроение его постепенно обретало привычные очерта-

ния. «Прорываться» ему удавалось почти всегда. Он верил в свою звезду. Во всяком случае, до тех пор, пока однажды за ним не щелкнул замок железной двери камеры следственного изолятора в московском Лефортово. И он из баснословно богатого, по российским меркам, человека превратился сначала в подследственного, затем в обвиняемого и, наконец, в осужденного на шесть лет лишения свободы с отбыванием наказания, как гласил приговор, в «исправительно-трудовой колонии общего режима».

Перевоплощения Андрея Ягненкова начались после того, как он, молодой бухгалтер, работавший в прикладном НИИ, решил заняться бизнесом по обработке драгоценных камней и металлов. Не успевшие закиснуть в бюрократическом болоте его мозги нашли достойное применение. Не особенно всматриваясь, он ясно видел зияющие провалы в новых экономических отношениях. И сумел воспользоваться ими, как нельзя лучше.

Выйти на свободу с чистой совестью бухгалтер, превратившийся на зоне в Бухаря, не смог бы, даже если и захотел бы. Отягощенная несколькими миллионами долларов, укрытыми от следствия в надежном месте, совесть его никак не могла воспарить к небесам на крылышках невинности. О чем Андрей никогда не сокрушался. Жалел он сейчас только об одном – ему не удалось добраться до вокзала неузнанным. Хотя его вины в этом не было. Он понимал, что его миллионы, от которых он отрекся, как его ни уговарива-

ли следователи, потом услужливые соседи по камере и, наконец, всевозможные «друзья», весь его лагерный срок регулярно подкатывавшие к нему во время своих визитов, не дают спать многим.

Не забыли про него сердобольные «доброжелатели» и на воле. Едва Ягненков поднялся по ступеням в автобус, следовавший мимо колонии в город, к нему подсел благообразного вида представительный коренастый господин, на улыбчивом лице которого выделялся приметный нос с черными усами под ним. Его темную голову с заметно пробивающейся сединой покрывала не по размеру маленькая пыжиковая шапка, когда-то свидетельствовавшая о принадлежности хозяина к советской номенклатуре. В задрипанном автобусе, не первый десяток лет курсировавшем по районному бездорожью, он явно чувствовал себя неуютно. Но старался не подавать вида. Представившись приятелем их общего знакомого, Игоря Васильевича Сушкова, он предложил Андрею несколько пачек пятисотрублевых купюр:

– Валюта вам сейчас ни к чему, – извиняющимся тоном заметил он при этом. – А «деревянные», я думаю, будут, как нельзя, кстати. Ягненков попытался, было отказать, мгновенно сориентировавшись в ситуации и сообразив, что не просто так ему навязывают деньги. Отдавать придется с многократными процентами, и уже в валюте. Но жизнерадостный господин с не сходящей с его загорелого лица улыбкой молча сунул пачки Андрею за отворот пальто. Пожелав ему

счастливого пути, он вышел на ближайшей остановке. Оглянувшись, Андрей увидел, как к его благодетелю подкатила иномарка, по всей видимости, всю дорогу не отстававшая от автобуса, и он привычно нырнул в салон. Автомобиль в считанные секунды обогнал автобус и скрылся в убегающей дали.

Охота началась, в этом не приходилось сомневаться. Закупив сразу целое купе, за что пришлось переплатить втрое за каждое место, Андрей решил не мозолить глаза пассажирам, среди которых могли оказаться загонщики. А сами стрелки, надо полагать, уже заняли отведенные егерем номера.

Свой старый кейс, который ему в комплекте с его не по сезону легкой светлой одеждой выдали в кладовой, он сунул в урну при выходе из магазина, где приобрел дорожную сумку, костюм, несколько сорочек, спортивный костюм и смену белья. Пальто, которое ему очень нравилось, он решил оставить, тем более что ничего более подходящего для себя не нашел. В соседнем магазине Андрей купил продуктов в дорогу. На первое время он обустроился, о дальнейшем же старался не думать.

Поезд тронулся, и он позволил себе расслабиться. Достал из сумки несколько вакуумных упаковок с мясной и рыбной нарезкой, буханку пшеничного хлеба и бутылку коньяка «Ахтамар». Не особенно доверяя надписям на этикетке, гарантирующим высокое качество напитка, он откупорил бутылку, поднес горлышко к носу, вдохнул полившийся нару-

жу аромат и плеснул немного на дно стакана. Затем, не спеша, вскрыл упаковки с нарезкой, разложил закуску на тарелки, заблаговременно позаботившись запасти их у проводника, и оглядел образовавшийся натюрморт. Любоваться было нечем – не Париж и, уж тем более, не милый его сердцу Брюссель. Но, главное, что уж точно не эковская столовая с ее неистребимым запахом подгорелой перловой каши и пережаренной в прогорклом масле рыбы.

Андрей поднял стакан, на треть наполненный янтарной, но все еще вызывавшей подозрения жидкостью, посмотрел сквозь нее за окно и поднес стакан ко рту.

– Ух! – раздалось откуда-то сверху. От неожиданности Андрей вздрогнул всем телом, рука его со стаканом резко дернулась, коньяк выплеснулся и растекся по коленям. Купе наполнилось специфичным запахом. Он оторвал взгляд от своих ног и поднял голову. Сверху, из багажного отсека на него летел свернутый в рулон матрац. Андрей непроизвольно подставил локоть, и матрац, ощутимо ударив его по руке, свалился на пол. Следом за ним из темного провала появилась обросшая многодневной щетиной физиономия человека неопределенного возраста, перепачканная вагонной пылью с набрякшими мешками под глазами. Мужчина затравленно оглядел купе и, убедившись, что кроме них здесь никого нет, ящерицей скользнул на пол.

– Ну, что уставился? – зыркнул он на Андрея. – Наливай! Тот не пошевелился. Мужик протянул грязную, с обло-

манными ногтями лапу к бутылке и, прижав горлышко к губам, запрокинул голову.

– Будь здоров!

В несколько глотков уменьшив содержимое бутылки на четверть, он уселся напротив тарачившегося на него во все глаза Андрея, отломил от буханки кусок с поджаристой коркой и принялся жадно жевать.

Для Ягненкова, пообтершегося среди контингента колонии, такая манера поведения была не в новинку, и не бесцеремонность незваного гостя его поразила так, что он не мог вымолвить ни слова, а знакомый до отвращения запах камеры, который исходил от сидевшего напротив человека. Тот, кто хотя бы раз побывал на нарах, запомнит его до гроба. Он будет преследовать везде, даже в постели с женщиной, он может ни с того, ни с сего напомнить о том периоде жизни, когда женщины являлись только во сне. По этому запаху бывшие осужденные безошибочно узнают друг друга, кто бы и как бы ни пытался отбить его парфюмом. К незваному попутчику это не имело отношение. Андрей имел все основания предположить, что вряд ли он вообще знал, что такое туалетная вода. Он, похоже, и об обыкновенной, из-под крана давно не вспоминал. Незнакомец тем временем насыщался, прислушиваясь к доносившимся из-за двери звукам. Хлеб в его неуклюжих руках крошился, осыпался на пол, а он все отламывал от буханки кусок за куском.

– Колбасу возьми, – тихо сказал Андрей.

– Щас, – откликнулся мужик. За раз вытащив из упаковки половину содержимого, он двумя руками запихнул колбасу в рот.

За дверью что-то гроыхнуло и раздался резкий стук. Мужик с торчащей изо рта колбасой сунул правую руку под тегрегейку и кивнул Андрею. Тот понял его без слов.

– Кто там? – громко спросил он.

– Чай будете? Закусить не желаете? – раздался из-за двери звонкий голос.

– Нет, спасибо, – ответил Андрей. Шаги за дверью удалялись, и вместе с ними начинало отпускать ощущение неослабевающей в последние дни тревоги. Одновременно возвращалась способность трезво мыслить и анализировать ситуацию. Теперь он увидел своего незваного соседа по купе другими глазами. Для этого были свои причины. За несколько дней до освобождения на зоне стало известно, что из соседней колонии, где содержались бывшие правоохранители, кому-то из ментов удалось бежать на вертолете. Какому-то «Брильянту». Новость была настолько ошеломляющей, что зэки стали делать ставки: поймают или не поймают. Большинство сходилось на том, что беглеца, как пить дать, задержат за неделю. Но были и такие, кто верил или хотел верить в благополучный исход побега. Выходило, что они оказались правы. Вот он «Брильянт» хренов! Сидит перед ним – жив, здоров и даже пьян, благодаря его, Андрея коньяку. Правда, неделя еще не закончилась.

Мужик молча жевал, не вынимая руки из-за пазухи. Андрей наблюдал, как щеки его постепенно теряли серый налет, и на них проступал едва заметный румянец. Глаза заблестели, но взгляд оставался все таким же настороженным.

– Давно от хозяина? – наконец, произнес не лишенный обоняния мужик, тоже определив в Андрее недавнего зэка.

– Второй день, – неохотно признался Ягненков.

– Ишь ты, уже прибарахлился.

– Свое было. А ты чего ж не переоделся?

– Не успел, – хмыкнул мужик.

– Быстро летел?

Андрей не успел сообразить, что произошло, как почувствовал у своего виска что-то твердое и холодное. Он скосил глаза и увидел скобу пистолета с лежащем на спусковом крючке грязным пальцем, блестящим от колбасного жира.

– Откуда знаешь? – дыхнул ему в лицо коньячным духом мужик.

– Сорока на хвосте принесла. Вся область в курсах.

Явная угроза не произвела на Андрея особого впечатления: ему и не такое пришлось пережить за годы отсидки. Первый раз он прощался с жизнью вскоре после прибытия в колонию. Там ничего не скроешь, буквально месяца через полтора среди осужденных прошел слух, что «первоходок» погорел на алмазах, огреб миллионы, и его решили «пощипать». Выручил его тогда – разогнал кодлу – авторитет по кличке Левон, с которым незадолго до этого Андрей оказал-

ся в одной камере штрафного изолятора.

– Не кипяшись, – Андрей плавным движением руки отодвинул ствол пистолета от своей головы, взял со стола стакан и принялся полировать его полотенцем. Он тер его до тех пор, пока не убедился, что тонкостенный стакан стал заметно чище, чем был до того, как попал к нему из рук проводника. С удовольствием в растяжку выпив из него, он принялся закусывать, старательно отделяя один от другого кружочки сырокопченой колбасы. Потом взялся за рыбу, мысленно попеняв себе, что следовало бы поступить наоборот. При этом он не сводил глаз со своего непрошенного попутчика, который с интересом наблюдал за его манипуляциями. – Ты, парень, меня на понт не бери, я пуганый.

Знакомились по именам, оба, не сговариваясь, кликухами не обменялись. Хотя весть о подвиге Стрельникова бежала впереди него. Виктор говорил мало. Он больше слушал Андрея, да чему-то про себя посмеивался. Но Андрей видел, что слушает он его внимательно. Озлобленность, исходившая от попутчика, постепенно сменялась интересом. На зоне такие байки были в цене, особенно, если походили на правду. А сейчас Андрею и особо привирать не было нужды.

Поначалу Ягненков, поднаторевший за полтора года следствия в правилах тюремного распорядка, попытался, было «качать права». Но вскоре понял, в чем разница между «правами человека» и «человеком права». Это случилось на производстве, где изготовлялись оконные рамы. Андрей скло-

нился над строгальным станком, направляя заготовку в валки, и не слышал, как сзади к нему подкрался надзиратель, который развлекался тем, что гасил окурки сигарет о голые макушки оказавшихся под рукой лысых осужденных. Почувствовав резкую боль в затылке, Андрей отпрянул назад и, машинально взмахнув рукой, попал пальцем в глаз надзирателя. То огрел его резиновой дубиной по шее и затолкал в сырой полуподвал, пригрозив впредь проявлять о нем особую заботу. Жалоба на надзирателя не помогла, и сидеть ему пришлось неделю.

Местный авторитет по кличке Левон появился в камере через три дня, под вечер. Его посадили за кровавую драку, которую он учинил, как показалось надзирателям без всякого повода.

С тех пор Андрей за Левоном был как за каменной стеной.

– А срок-то за что? – как бы между прочим поинтересовался Виктор.

– Считаю за ерунду. Мошенничество.

– Ерунда ерунде рознь.

– Это верно...

Андрею явно не хотелось распространяться дальше на эту тему. Но сейчас был не тот случай, чтобы выкручиваться. Да и зачем? Если этот Виктор очередная подсадная утка, то больше, чем следствие, он из Андрея все равно не вытащит.

Хорошо «нагрев» завод по огранке алмазов, он вовремя успел скрыться в Америке. А там создал свою фирму. В тот

период Россия до крайности нуждалась в западных кредитах. Кому-то пришлось по душе предложение беглого соотечественника Ягненкова, получившего в узком кругу кличку Бухгалтер, при посредничестве своей фирмы открыть через крупный американский банк кредитную линию. В качестве гарантийного обеспечения этого займа в США, в распоряжение Бухгалтера в большой спешке были направлены, как считалось на время, некоторые ценности Гохрана.

Далеко не сразу следователи прокуратуры стали догадываться о том, что фирма Ягненкова была создана не гением одиночкой, а «группой товарищей» из Москвы. И лишь для того, чтобы потом Бухгалтер мог обратиться к ним же с предложением о предоставлении многомиллионного алмазного залога.

Когда афера лопнула, предприниматель со товарищи свою фирму быстренько продал и, прихватив оставшиеся драгоценности, ударился в бег. Ягненкова поначалу выследили в Бельгии, где, появившись с фальшивым греческим паспортом, он организовал три фирмы, занимавшиеся огранкой алмазов и отмыванием незаконно полученных денег. Но между Россией и Бельгией не было соглашения о правовой помощи и выдаче преступников. Поэтому, арестовав Бухгалтера по ориентировке Интерпола, бельгийские власти отпустили его под залог, после чего он, естественно, тут же скрылся.

– Арестовали через год, в Греции. А с ней у нас договор о правовой помощи был. Бился-колотился, на жалость давил,

мол, свои же порешат, чтобы не проболтался. Но греческие власти меня все-таки выдали.

– Понятно, – хмыкнул Виктор. – Про меня у вас, что говорили?

– Всякое болтали. Вроде троих убил, вертолет взорвал...

– А на хрена мне его было взрывать? – рассмеялся Виктор. – Да и чем? Другое дело – какую-нибудь тварь пришить. А машину жалко. Машина – не человек, от нее пакости не получишь, если сам с нею ничего не сотворишь.

– А ты-то с какого бока «Брульянт»? Вроде такое у тебя погоняло? На чем погорел? – задал Андрей давно мучавший его вопрос, хотя понимал, что он сейчас не ко времени и не к месту раскрываться перед этим наглецом. Но, как ни странно, Виктор ответил спокойно:

– Вот на том и погорел, что верил в человека и в человеческую справедливость. Меня в милицию никто силком не тянул. Сам пришел: романтика заела. Из армии вернулся – все кругом или торгуют, или воруют. Стал с лотка книжки продавать, потом на рынке – всякие шмотки. «Челночил», хотел свое дело открыть. Наехали... И кто? Шпана вонючая, быдло. Раз отмахнулся, второй, а на третий сожгли все к чертовой матери – и прилавок, и подвал, где я тряпки хранил. Били, не поверишь, цепями. Оклемался, нашел тех гадов, обратился в милицию. А там: «Где доказательства? Где свидетели?». Короче, чтобы все по закону. А законы тогда были такие, как будто для бандитов писаны. Нашел я одно част-

ное охранное предприятие. Сунулся к ним – те же бандиты, только с лицензиями от государства. Нет, думаю, надо самому за дело браться. Поступил в уголовный розыск, в институте восстановился. Года через два стал соображать, что к чему. Сволочи всякой и там, конечно, хватает, но лучше места я для себя не нашел. Пока по мелочи работал, еще ничего, все было ясно: вот – мы, вот – они. А как до серьезного дошло... мрак.

– За это не сажают.

– Да, погоди ты. Ну, вот, к примеру. Взяли мы по наводке одного мужика. В своем «Жигуленке», в «копейке», перевозил в обыкновенном полиэтиленовом пакете, обмотанном скотчем, полкило алмазов. Стали разматывать. Мужик – ни сном, ни духом. «Попросили отвезти и все», – говорит. Кто просил, для кого? Молчит. Потянули его связи, вышли на друзей-приятелей. Через них – дальше. И тут – бац! Всех отстранили. Мы к руководству. «Не ваше, – говорят, – собачье дело!». Заело меня. Как же думаю не наше дело, если мы его накрыли, на такое преступление вышли, а нас взашей! Взял я отпуск и решил сам все до конца довести. Вышел по своим каналам на одно ЗАО, ну, закрытое акционерное общество при механическом заводе, которое делало решетки на окна для дачников...

– Выходит мы с тобой коллеги. Только алмазы тут при чем? Ведь, хотя каждый четвертый добываемый в мире алмаз происходит из России, лишь каждый двадцатый стано-

вится бриллиантом на родине. Остальные проходят огранку в Израиле, в Индии или в Гонконге. – Раскручивая собеседника на откровенность, Андрей заодно и проверял, насколько он компетентен в том, о чем бормочет. – Потом их продают, имея на сырье примерно миллиард долларов за год. Так, при чем же тут твои-то алмазы? – переспросил Ягненков, продолжавшего жевать попутчика.

– А при том, что это ЗАО наладило их подпольную продажу. Закупали сырье в России, отправляли в Израиль, или в Швейцарию, где обработка самая дешевая. Там делали огранку и возвращали сюда в виде ювелирных изделий, а решеточники их продавали.

– А как же ты обо всем этом узнал?

– Я до армии сварщиком успел поработать. Устроился, вроде как на временную подработку, в это ЗАО. Без оформления. А там случай помог попасть между молотом и наковальней. Короче, подставили. Из отпуска вышел, на столе у начальника районного отдела внутренних дел – документы из ФСБ, где черным по белому: такой-то причастен к незаконным операциям с драгоценными камнями. Недолго музыка играла, недолго фраер ликовал. По делу со мной один только сторож пошел, остальные разбежались. Вся доказательная база – на жестком диске компьютера и ни одного свидетеля. А по документам выходило, что я чуть ли не главный поставщик сырья. Вот и вся карусель. Раскусили они меня еще, когда на работу принимали. Телком взяли, а потом

схарчили. На зоне как-то прознали, вот потому и «Брульян-том» стал. Не за цвет же глаз. А ты откуда мою кликуху прознал? – спохватился Виктор.

– Земля слухами полнится, – Андрей улыбнулся во весь рост. – Да ты не менжуйся. Алмаз бриллианту не судья.

– Да мне вообще все до фени, – зевая, равнодушно произнес Виктор с растяжкой.

Он говорил все медленнее и тише. Алкоголь стал одолевать отвыкшего от возлияний беглеца. Наконец, окончательно расслабился и привалился к стенке. Помимо воли глаза его слипались, и он все реже и реже распахивал веки усилием воли. Еще несколько попыток, и Стрельников захрапел, свесив голову на грудь.

По расписанию поезд вскоре должен был остановиться на небольшой станции. Осторожно, чтобы не разбудить спящего, Андрей переступил через его вытянутые поперек прохода ноги, достал из-под полки свою сумку и сел рядом с дверью. Он не был уверен, что во время краткой стоянки успеет без лишних свидетелей покинуть вагон и на всякий случай приготовил пятисотрублевку, чтобы, не теряя времени, сунуть ее проводнику.

С первых минут появления «попутчика» в купе Андрея не покидало чувство опасности. Оно то усиливалось, то утихло. Но не угроза пистолетом его пугала и не странное появление мужика, невесть как оказавшегося в запертом купе. Пугал он сам. Андрей всем своим нутром чувствовал,

что жизнь его, как тогда в колонии, опять повисла на волоске. Случайно ли они оказались коллегами, хотя и с разных сторон алмазного бизнеса разного уровня? Андрей давно перестал верить в совпадения. Одно неверное слово, жест, взгляд, и не доедет он до своих миллионов, вмиг рухнут все его мечты о предстоящей беззаботной жизни. И потому первым его порывом было – убежать как можно дальше. Сейчас выпадал тот шанс, который никак нельзя было упускать.

Не отрывая взгляда от похрапывающего в углу Виктора, Андрей медленно протянул руку к защелке на двери и начал аккуратно ее поворачивать. Но, как он ни осторожничал, щелчок оказался резким и громким. Храп тут же прервался. Андрей замер. Но Виктор не проснулся. Он заворочался и, неловко повернувшись во сне, завалился на бок, подобрав под себя ноги и положив обе ладони под голову. И тут Андрей его узнал. Поначалу ему только показалось что-то знакомое в его манере произвольно вытягивать губы и, словно ловя себя на неприличном жесте, тут же резко сжимать их и вытягивать в узкую полоску. Сейчас, глядя на него спящего в детской позе, и пристально вглядываясь в его лицо, он окончательно убедился, что встречался с ним раньше – мимолетно и в обстановке не располагающей к знакомству, но, тем не менее, достаточно близко, чтобы обратить на него внимание. Это был один из сержантов-конвоиров, сопровождавших его в течение месяца, пока шел процесс, из камеры следственного изолятора в здание суда. Наклонившись над ним, Андрей

рассмотрел сквозь щетину и приметную родинку у него под носом.

Новое решение созрело тут же. Андрей, уже не остерегаясь, вновь повернул защелку, запирая дверь. Но сейчас это не имело особого значения. Немного потускневшие за годы заключения, мозги его постепенно набирали обороты. Он их не подстегивал, наперед зная, что, как хорошо отлаженный механизм, они лучше хозяина разберутся, как им выйти на полную мощность. Остроумные, но трудновыполнимые идеи он тут же отвергал. Здесь требовалась предельная простота, без вывертов и заумных ходов. Андрею стало ясно, что Виктор врал только наполовину, и погорел он не по недоразумению и не на «подставе». Если бы он сдал торговцев алмазами, то не срок получил бы, а, как минимум, медаль. А, раз оказался на зоне, значит, ему было, что скрывать, и сейчас этот беглец так же, как он сам, уверен, что возьмет то, на что рассчитывает. И, даже если не на блюдечке с голубой каемочкой ему поднесут его долю, то он сам ее вырвет из нужной глотки. Если, конечно, до нее доберется

Через полчаса напряженного, но, вместе с тем, приятного мозгового штурма, о котором, глядя на Андрея со стороны, нельзя было даже догадываться, план был готов. Прimitивный, он отличался изяществом и, самое главное, реальностью воплощения. Для этого требовалось только согласие беглого милиционера, но Андрей не сомневался, что получит его в самое ближайшее время.

Спросонья, да еще не полностью отойдя от алкогольного наркоза, Стрельников не сразу врубился, о чем начал толковать с ним хозяин купе, который сразу догадавшись, что он сбежал из колонии, тем не менее его не сдал. Но полностью Виктор ему все равно не доверял, хотя постепенно и с большим трудом начал узнавать в нем давнишнего обвиняемого. О чем Андрей, как бы к слову, сам ему и напомнил. Это было давно и совсем в другой его жизни, отгороженной от сегодняшнего дня толстенной и мутной пеленой времени. Да и какая разница в конце-то концов?

– Знаешь, – сказал Стрельников, внимательно выслушав Андрея, – вообще-то у меня были другие планы. Но, если так, я готов отработать. Только, смотри, без понтов. Мне терять нечего. – Он похлопал себя по тому месту на груди, где хранил пистолет. – Были бы бабки, а там ты хоть в мир, хоть в пир, мне теперь без разницы.

– Мне тоже. Сделаешь свое дело, и разбежимся. Здесь тебе все равно не выжить. Ты поможешь мне, я помогу тебе. С документами и визой все тип-топ. Поживешь за границей, без работы не останешься. А там видно будет.

Такой оборот вполне устраивал обоих. Дело предстояло не хлопотное. Благодетель, одаривший Ягненкова деньгами, наверняка уже сообщил стоящим по номерам охотникам, что дичь покинула берлогу, и наверняка послал по его следу легавых «шестерок». Что он мог сообщить о нем? Да ничего, кроме скудных примет, касающихся, в основном внешнего

вида. А фотографии его у них откуда? Если только кто-то знает его в лицо. Но это практически невероятно. На этом Ягненков и решил сыграть. Достаточно, если они со Стрельниковым переоденутся. А в темноте, когда они доедут до города, и в вокзальной суете, когда на платформу повалят пассажиры, никто особо не будет всматриваться в лицо новоявленного Андрея Ягненкова, а настоящий без проблем купит билет на самолет. Через три часа он будет так далеко от вокзала, что никто уже больше ему на хвост не сядет.

– А справка? – спросил Стрельников, когда основное уже было оговорено. – Как же я без справки? Меня тут же заметут.

– А это уж твои проблемы, – развел руками Ягненков. – Без справки меня самого заметут. А, впрочем, черт с тобой, – добавил он после некоторого замешательства. – Забери справку.

– А ты?

– А это уже мои проблемы.

За холодными даже на вид окнами вагона начинало смеркаться, когда, выглянув в пустой коридор, Виктор в спортивном костюме Ягненкова, на цыпочках пробежал в туалет рядом с купе. Он долго приводил себя в сносный порядок, пытаясь избавиться от лагерной ауры, а, главное от выдававшего его запаха, и вышел с надеждой, что уже не так сильно привлекает к себе внимание. Хотя встретившийся ему на обратном пути в купе проводник подозрительно оглядел его с

ног до головы и, проводил взглядом, но ничего не сказал. Он то ли забыл, как выглядел пассажир, предъявивший ему сразу четыре билета, то ли был озабочен хлопотами, связанными со скорым прибытием поезда к станции. Или просто был достаточно умным, чтобы не оказаться чрезмерно догадливым.

Виктор запер за собой дверь, бросил мокрое полотенце на стол рядом с мыльницей и бритвенными принадлежностями и повернулся к Андрею, который за последние полчаса не изменил своей позы и все так же, не включая света, сидел, облокотившись на матрац.

– Ну, что? – спросил Стрельников. Он переключил тумблеры, и купе озарилось ярким светом. – Годится?

Он повернулся к Андрею, чтобы тот мог его разглядеть и оценить его преображенный внешний вид. Андрей молчал. Глаза его были закрыты. Виктор непроизвольно поежился. Он знал, что так люди не спят. Так выглядят мертвые, которые совсем недавно были живыми. Ни на теле Ягненкова, ни на полке, ни на полу крови не было. Придерживая Андрея за голову левой рукой, Стрельников прижал правую к тому месту, где должна была находиться сонная артерия. Пульс отсутствовал. Снимая пальцы с шеи трупа, Виктор непроизвольно взглянул на свою руку. Средний палец его правой руки был испачкан кровью. На шее Андрея можно было различить пальцевый отпечаток. Выходило, что неизвестные покинули купе буквально несколько минут назад.

Высотой чуть ли не в два человеческих роста, круглые, с римскими цифрами часы над главным входом в вокзал, подсвеченные снизу прожекторами, показывали без нескольких минут восемь. Мельком взглянув на них через окно, Сергей перевел взгляд на мониторы и вновь склонился над столом. Подшивать документы – дело, конечно, левое, но до чего же занудливое. Старый, с изношенной пружиной дырокол то и дело заедало, и оттого отверстия на бумажных листах получались неровные, с рваными краями. Большой аккуратист лейтенант Кучкин тихонько чертыхался про себя, но, по правде говоря, был рад и этому занятию. Вторую неделю он работал помощником дежурного по отделу милиции на вокзале, но за порог дежурки его еще не выпускали. Ребята-однотруппники по школе милиции хвастали, что уже приступили к оперативной работе, выезжали на происшествия. А его, милиционера чуть ли не с высшим юридическим образованием, капитан Емельянов держал за пультом и заставлял часами «знакомиться с оперативной обстановкой», как он это называл, по картинкам на мониторах, которые принимали информацию с видеокамер, установленных на платформах, в зале ожидания и на привокзальной площади.

– Виктор Семеныч, – оторвал Сергей начальника от журнала регистрации происшествий, который капитан перечи-

тывал с явным неудовольствием, – наш майор приехал. – Он кивнул на один из мониторов.

– Сейчас пойдет посты проверять. Вот кому не спится в ночь глухую ...

– Может предупредить ребят?

– Он тебе предупредит. У него же своя рация, всегда эфир прослушивает.

– Виктор Семеныч, а почему нашего майора Маклаудом называют? – неожиданно спросил Кучкин. – Он что, такой крутой?

Емельянов развернулся на высоком вертящемся кресле и недоуменно посмотрел на своего помощника. Усталое, с сеткой мелких морщинок вокруг глаз лицо его слегка исказилось, и он голосисто захохотал

– Маклаудом? – еле выдавил он из себя, с трудом переведя дыхание. – Да не Маклаудом, а Маклаем.

Судорожно подрагивая и утирая неволью выступившие слезы необъятных размеров платком, который он долго вытаскивал из кармана, но так полностью и не достал, Емельянов то сгибался в пояс, то откидывался и раскачивался, чуть ли не ударяясь головой о стену. Он смеялся так весело и заразительно, и так нелепо пришлепывал при этом губами, что Сергей неволью поддался его настроению и закатился в заливищем сиехе. Наконец, успокоившись, Емельянов легко оттолкнулся ногой от пола и вместе с креслом приблизился к экранам, которые недоумевающий Кучкин, хоть и смеялся

сам не зная над чем вместе со своим начальником, но, тем не менее, не упускал из виду.

– Тут, Серега, такая история. Расскажу, пока никого нет. Только ты смотри, молчок – офицерская тайна. Рогов-то у нас недавно, года два. А до этого по оргпреступности работал. Пришел сюда – ни бе, ни ме, ни кукареку. Ну, как ты, примерно. А происшествий у нас, сам знаешь, – не соскучишься. Решения-то ему принимать надо, вот он и давай во все вникать. Чуть, где что случилось – полетел. А как еще разберешься? Специфика. И вот однажды получаем сообщение: на Узловой во время следования в пассажирском поезде Москва-Чита у гражданина по имени Брухто Кроми украли десять тысяч долларов.

– Ничего себе!

– Вот именно. Докладываю Рогову, а тот аж подскочил и – шапку в руки. Пока машину заводили, пока собаку доставили, то да се, тут и поезд подошел. Влетаем мы со следственно-оперативной группой в вагон. А ночь, свет тусклый, ничего не видно. «Где, – спрашиваем, – потерпевший»? «А вон он, – отвечает проводник и показывает на какой-то сверток цветастой ткани. Пригляделись, а это – негр. Только белки глаз посверкивают. Ладно, начали беседовать. Тот лопочет что-то по-английски. Рогов попробовал его допросить, но, то ли в акценте не сошлись, то ли в разных британских университетах обучались, только негритянского «оксфордского» произношения со своим «кембриджским» образова-

нием наш майор не понял. Пришлось идти по вагонам в поисках переводчика. Нашли китайца, который владел китайским и английским языками, но зато совершенно не понимал русского. Тогда я снова прошел по вагонам и нашел второго переводчика – но, вот же невезуха, тоже китайца, который немного говорил по-русски. Допросили потерпевшего, коекого из его соседей по вагону, проводника и скинули информацию в Читу.

Разыскать там женщину-негритянку, которая, по словам потерпевшего украла деньги? Да пара пустяков. Даму задержали. Теперь потерпевшего надо было отправить. Без сопровождения не положено, а где его взять? Тогда что ж? Думали мы думали и придумали. Рогов берет документы на багаж, а в графе «груз» пишет: «Брухто Кроми – 1 штука». Проводник, получая такой необычный груз, начал было возникать: людей, мол, животных, пчел и так далее, согласно пятого параграфа тарифного руководства, перевозить нельзя. Тут я и говорю: «Согласен. А про негров в руководстве что-нибудь говорится?» «Нет, про негров ничего». «Ну, если не запрещено, значит, разрешено», и втолкнули мы бедолагу в вагон – отправили. В сопроводительной я указал, что направляется уголовное дело такое-то, по факту кражи там-то. Приложение: дело на стольких-то листах и Брухто Кроми – 1 штука.

Уголовное дело в Чите сначала, естественно, попало не к оперативникам, а в канцелярию, где быстро оформили, что поступило уголовное дело и с ним одно вещественное дока-

зательство – Брухто Кроми. По закону вещдок необходимо было закрыть в камеру вещественных доказательств... Там тоже с ним помыкались.

А позже выяснилось, что кражи-то вовсе и не было. Просто в вагоне этот самый Брухто с женой поругался. Вмазал ей по мордам. Она же, ну, ты понимаешь, встала на дыбы, забрала деньги и выскочила на ближайшей станции. Вот об этом он и заявил, что, мол, жена сбежала. А поскольку был двойной перевод, фразу «взяла деньги» поняли как «укра-ла», слова «найти ее» превратилось в нашем понимании в «привлечь к уголовной ответственности». Негр все время говорил про жену, а переводили как «женщина». Вот с тех пор Рогов и стал Маклаем, вроде как покровитель африканцев.

Телефонный звонок прямой связи с дежурным по УВД задребезжал низко и протяжно.

– Ты только, смотри, при нем не ляпни – обидится, – протягивая руку к аппарату, предупредил Емельянов. – Тогда сидеть тебе здесь со мной в дежурке как семафору на разъезде.

– Кто? – донеслось из трубки, едва капитан поднес ее к уху.

Так мог спрашивать только начальник дежурной части областного УВД Ветров. Емельянов невольно насторожился – тот с добром никогда не звонил. Капитан решил опередить неприятность и взять инициативу в свои руки.

– Я, Петрович, – резко ответил он. – Какого лешего тебе

надо? Некогда мне с тобой рассусоливать. Скорый на подходе.

– Придется тормознуть, – в тон ему пробурчал Ветров. – Бомба у тебя. Теперь в зале ожидания. Ну, бывай.

В трубке слышались короткие гудки.

Положив ее на место, Емельянов, внешне не особенно взволнованный сообщением, связался с Роговым, позвонил дежурному по вокзалу и, оставив за себя Сергея, метнулся в зал ожидания: хуже всего, если пассажиры заподозрят неладное, и начнется паника. Но здесь было тихо, и Емельянов успокоился. Ему даже не пришлось напускать на себя безразличие и отрешенность, как он обычно делал, сталкиваясь с опасностью.

На его появление никто не обратил внимания. Кто-то дремал в креслах, низенький, с лысиной в половину головы, но, тем не менее, привлекательный мужчина стоял в небольшой очереди у стойки буфета. Нетрудно было догадаться, что ему невтерпеж не столько утолить голод, обычно то и дело дающий себя знать в часы тягостного ожидания, сколько перекинуться парой слов с улыбавшейся ему симпатичной молодой продавщицей в кокетливой белоснежной наколке на самом верху пышно взбитой прически. Двое подвыпивших парней, сидевших около входной двери, крадучись разливали водку в белые пластмассовые стаканчики, и то и дело настороженно посматривали по сторонам. Заметив милицейского капитана с красной повязкой на рукаве форменного кителя, они нарочито лениво поднялись и потянулись к выходу.

Емельянов их «не заметил». Все его внимание было сосредоточено на толстой тетке, которая, обложившись неподъемными на взгляд сумками, высидала на замаскированном под

мраморную тумбу ящике. В этом укромном месте вокзальные уборщицы хранили свои причиндалы – ведра попеременно со щетками, тряпками и всякой другой ерундой, чтобы не таскать их каждый раз после уборки в кладовую. Потеряв несколько драгоценных минут в витиеватых извинениях, Емельянов все же уговорил тетку слезть с ящика и под ее неумолкающее возмущенное кудахтанье заглянул внутрь. Ящик был пуст, и это еще больше обозлило и без того возмущенного теткой бестолковостью капитана, который после очередного звонка телефонного террориста требовал запереть ящик на замок. Каждый такой звонок, а они повторялись с огорчительной регулярностью, поднимал на ноги добрую половину транспортной милиции. И, хотя ни разу бомбы не нашли, легче от этого никому не становилось: в каждой, даже самой идиотской шутке могла содержаться взрывоопасная «шутка», способная вдребезги разнести не только здание вокзала, не первого века от роду, но и прилегающие постройки с сотнями людей внутри.

Через несколько минут зал ожидания стал заполняться милиционерами. Действуя по чьей-то неслышимой команде, они рассредоточились по помещению. Пассажиры зашевелились, послышались отдельные возгласы. Некоторые из дремавших очнулись и, испуганно оглядываясь, принялись пересчитывать свои пожитки. Без понуканий, с неестественно радостными улыбками на лицах милиционеры аккуратно выдавливали пассажиров из зала. Вскоре он опустел. К это-

му времени подъехали кинологи с собаками, натасканными на запах взрывчатых веществ. У центрального выхода остановился автобус с омовцами.

Как и предполагал дежурный по областному УВД Ветров, скорый поезд, прибывающий на первый путь, пришлось остановить. Но сделано это было с большим опозданием. Локомотив уже почти касался своей лобастой кабиной дальнего торца платформы. Пока на вокзале тщательно досматривали все закоулки, в вагонах нарастало возмущение. Пассажиры, стояли уже одетыми в тамбуре и проходе в ожидании долгожданной встречи со встречавшими их родственниками и не могли взять в толк, почему состав замер в считанных метрах от платформы. Проводники, которым начальник поезда ничего толком не объяснил, только разводили руками и призывали к спокойствию, загородив собою входные двери.

Тем временем привокзальную площадь опоясала цепочка солдат, которым строго на строго было приказано «всех выпускать и никого не впускать». Что они и делали, сцепившись руками так, что казалось, грянь сейчас музыка, и они пустятся в пляс, выделявая лихие коленца перед толпящимися перед ними пассажирами и многочисленными любопытными, число которых росло с каждой минутой.

В зал ожидания вошел устрашающего вида человек, облаченный в защитный костюм. Бронированный с головы, заключенной в космического вида шлем, до ног в огромных ботинках, он медленно двинулся к сиротливо притуливше-

муся у ряда кресел недалеко от входа черному полиэтиленовому пакету, из которого куда-то за батарею тянулись два тонких провода – один красного, другой зеленого цвета. Он склонился над пакетом и начал осторожно раздвигать ручки. Пакет шелохнулся и повалился на бок ...

Оцепить всю платформу солдаты не могли из-за своего малого числа. Направленные туда сотрудники, все, кто оказался в этот момент под рукой, столпились около начальника линейного отдела майор милиции Валерия Рогова. Громкий голос, категоричные интонации придавали его командам ту весомость, которая не позволяла усомниться в их справедливости и необходимости. Выше среднего роста, с крупными чертами лица, над которыми природа не особенно мудрила, он и прежде, когда работал оперативником в элитном отделе по борьбе с организованной преступностью областного управления внутренних дел, не позволял себе сомневаться в правильности своих решений и поступков. Некоторые, с кем ему приходилось работать, без стеснения называли это тупой прямолинейностью, другие, в том числе начальство, считали проявлением сильной воли и скрытых до поры до времени организаторских способностей. Так или иначе, но именно благодаря этой черте своего характера Рогов резко рванул вверх по служебной лестнице. И пессимисты были посрамлены: он действительно оказался толковым руководителем. Быстро разобравшись в специфике транспортной милиции, уже через полгода получил благодарность от началь-

ника главка. И после этого, как могло показаться, уверовал в свои неординарные способности.

А между тем сомнения, о которых никто не подозревал, обуревали Рогова на каждом шагу. Тугодум от рождения он знал за собой этот недостаток, который оперативнику может стоить жизни, и потому был вынужден загодя, на много ходов вперед продумывать свои поступки. Конечно, он ошибался, и иногда по-крупному. Но не так часто, чтобы это отразилось на его карьере, которая давалась ему невероятным трудом. Действия личного состава при возможном поступлении сообщения о заложенном на его территории взрывном устройстве он проработал еще до первого проявления телефонного террориста. Мало этого, он их не раз прорепетировал со своими сотрудниками. Поэтому, когда приходилось объявлять тревогу, при любом варианте взаимодействия с территориальными подразделениями милиции, ОМОНОм и специалистами ФСБ, транспортники действовали без раскачки, не шарахались из стороны в сторону, а быстро и четко занимали свои места.

Но на этот раз людей не хватало и потому не все складывалось, как надо. А тут еще состав с беснующимися пассажирами. Рогов хорошо представлял себе, что там сейчас творится. Если проводники не устоят, сотни пассажиров навалются на редкую цепочку милиционеров. Разъяренные долгим ожиданием, они тут же сомнут ее и попадут, окажись бомба реальностью, в эпицентр взрыва.

Приказав сержанту Волохову следовать за собой, майор поспешил в дальний конец платформы, где в ярко освещенной кабине локомотива можно было различить какие-то перемещения машинистов. Люди сугубо гражданские, они вполне могли пренебречь приказом оставаться на месте до особого распоряжения и появиться на платформе.

Уверенно и быстро, так, что сопровождавший его сержант еле поспевал, шагая по платформе, Рогов старался больше не задавать себе вопроса, правильно ли он поступил, оставив подчиненных на вокзале. Но в разработанном им в деталях плане остановка поезда так близко от вокзала не была предусмотрена, и он, опустив голову и придерживая рукой низко надвинутую на брови фуражку, чтобы ее не сорвало встречным ветром, упрямо продвигался вперед.

– Товарищ майор! – громко воскликнул Волохов, показывая рукой вниз. – Там кто-то есть. Да нет, не там, впереди. Под платформу шмыгнул. Я сейчас.

Будто снесенный порывом ветра, он слетел на блестящие в свете фонарей рельсы.

– Стоять! – раздалось оттуда.

Рогов прыгнул с платформы, в спешке споткнулся об рельс и грохнулся на шпалы. Выругавшись сквозь зубы, стиснутые от боли в левой руке, которую во время падения неловко подвернул под себя, он потянулся правой за пазуху, где в скрытно носимой кобуре носил пистолет. Но его вмешательства не потребовалось. Когда Рогов поднялся на ноги,

сержант уже вытаскивал из-под платформы какого-то мужчину в светлом пальто и с дорожной сумкой в руках

– Какого черта? Что вы здесь устроили? Из вагона не выйдешь, – возмущенно выкрикнул тот на одном дыхании, пытаясь вырваться из рук сержанта. – Совсем охренели? Чего надо?

– Спокойно, гражданин. Как вы здесь оказались? – строго, но миролюбиво спросил Рогов.

– Как-как? – сразу остывая от возмущения, переспросил мужчина. – Из вагона, вот как. Полчаса уже стоим. Вы знаете, что там творится? Люди одетые, дышать нечем, детей полно.

– Знаем, знаем. Да ничего поделать не можем. Придется подождать. Я вас прошу вернуться в вагон. На вокзал сейчас нельзя.

– Еще чего? Ишь ты, в вагон. Сам иди и объясни людям, почему их, как эков держат взаперти. Они на вас такую телегу накачают, мало не покажется. Ладно, я пошел, а вы тут сами разбирайтесь.

– Никуда ты, Стрельников, не пойдешь. Давай по-хорошему, – добавляя стали в голос и стараясь придать ему как можно больше категоричности, произнес Рогов. И не дергайся, буду стрелять. Надень на него наручники, – обратился он к опешившему от неожиданного поворота дела сержанту. – Надевай, надевай, не стесняйся.

Он уже держал перед собой пистолет, наведенный в грудь

задержанного.

– Ты чего, с ума скакнул? С какого... бодуна наручники? Служить надоело? Так напиши рапорт.

– С такого, что по твоей статье досрочно не освобождают. А ты еще и трех месяцев не отсидел. Так что ты мне горбатого-то не лепи. Пошевеливайся, пока он нас с тобой не ухандокал, – произнес он уже в сторону сержанта, видя, что Волохов долго возится с наручниками. – Я его знаю, он это умеет.

Закованный в наручники Виктор Стрельников нарочито покорно стоял перед Роговым, внимательно разглядывая наведенный на него пистолет. Он знал, что Рогов, вопреки инструкциям, всегда держит патрон в патроннике и, если что, церемониться не будет.

– А ты изменился, – наконец, выдавил он из себя. – Сразу и не узнать. Заматерел. Майор уже, небось.

– Ты тоже мог бы стать майором. Обыщи-ка его на всякий случай, кивнул он сержанту, и, пока тот шарил по карманам задержанного, непринужденно продолжал:

– Ничего нет, товарищ майор, – разогнулся сержант, опустив низ брюк Стрельникова.

– Нет, значит нет. Давай его на платформу. Хотя подожди. Не опуская ствола и не сводя глаз с лица Стрельникова, он обошел его со спины и запустил руку за пояс брюк.

– А говоришь, нет, – с нескрываемым удовольствием произнес он, вытаскивая пистолет. Станет тебе опер, хотя бы и

бывший, носить оружие в кармане. Как же...

Волохов поднялся на платформу и помог взобраться задержанному, а затем и державшему его под прицелом Рогову.

– Пойдем, Витя, – обратился он к Стрельникову. И не греми кандалами. Давай сниму пока. Пассажиры увидят – стыдно. А ты давай к вагонам. И смотри у меня, чтобы ни одна живая душа без моего разрешения на вокзале не появилась, – приказал он сержанту.

– Что у тебя тут стряслось? – спросил Стрельников. – Из-за меня, что ли?

– Ну, конечно, из-за тебя! Много чести. Малява по Интернету пришла, что ты с зоны рванул. Какая-то зараза вокзал то и дело «минирует». Звонит, веселится, а мы отдувайся.

– Откуда звонит, установили?

– Установишь тут... Из телефона-автомата. Была бы техника, давно бы этого «автоматчика» изловили, а то только обещают.

Они, не спеша шли по платформе к вокзалу, и никому бы в голову не пришло, что майор милиции чуть ли не в обнимку идет со сбежавшим из мест лишения свободы опасным преступником. И, не в таком уж далеком прошлом, его ближайшим другом, одним из лучших сотрудников отдела по борьбе с организованной преступностью.

В кабинете Рогова было жарко. Но, раздевшись, он не предложил Виктору снять пальто. Для этого пришлось бы расстегнуть наручники, которые он застегнул у Виктора на запястьях, как только они вошли в помещение. К чему могло

привести излишнее благородство, Рогов знал по собственному опыту. Однажды он снял наручники с задержанной, пожалел молодую цыганку – дама все-таки как-никак. После этого неделю ходил в раскорячку.

– Ты, это, расстегнись, а я окно приоткрою.

Видя, что Стрельникову мешают наручники, он подошел к нему и помог справиться с пуговицами. Полой пальто он прикрыл кисти его рук, переплетенные на коленях. При этом одну ногу Стрельников положил на другую, и теперь выглядел обычным посетителем. Впрочем, не совсем обычным. Проработав с ним бок о бок несколько лет, Рогов видел, что сейчас перед ним совсем другой человек. Не таким Стрельников был раньше. Куда только что делось? Вместо энергичного опера, отличавшегося непоседливостью и взрывным характером, в дальнем углу кабинета сидел тихий, сломленный обстоятельствами человек. Впрочем, понять его состояние Рогову было нетрудно: удачно совершить побег и оказаться задержанным, к тому же с оружием ... Да еще кем? Ближайшим другом! Мало кто способен здраво оценивать ситуацию в его состоянии. Или притворяется?

– Ну, и что прикажешь с тобой делать? – с трудом выдавил из себя Рогов, почувствовав, что пауза затянулась до неприличия.

– Отпусти, а пистолет можешь оставить себе. Потом разберешься, кому его отдать.

Он не успел договорить, как дверь кабинета резко распах-

нулась, и на пороге появился двухметрового роста детина с крупными белого цвета буквами «ОМОН» по черному фону куртки и с крошечным на его необъятной груди автоматом. Из-за его спины выглядывали еще двое под стать ему парней в черных лыжных шапочках, которые при необходимости легко превращались в маски.

– Ты чего расселся? – прогремел детина низким басом. – Мы что ли должны работать за тебя? Ты куда своих попрятал?

Не обращая внимания на притулившегося в углу Стрельникова, он по-хозяйски расположился напротив сидящего за своим столом Рогова. Стул, на который он опустился со всего маху, коротко скрипнул, сидение слегка прогнулось, но выдержало вес мощного тела.

– Эй, Вить, познакомься. Николай Першуткин, командир транспортного ОМОНа и мой злейший враг: всю мебель мне покалечил. Я прикажу, чтобы ребята специально для него сварили кресло из стального уголка. Стульев не напасешься.

– Привет, – бросил на Стрельникова мимолетный взгляд детина и снова повернулся к Рогову:

– А ты бы лучше своим делом занимался. А то нагнал народу, а сам – деру. Я там распорядился, чтобы пассажиров запускали. У тебя закурить найдется, а то ребята у меня все расстреляли?

Забрав всю пачку, которую протянул ему Рогов, омоновец полез во внутренний карман своей необъятной куртки и до-

стал оттуда бумажный сверток, перемотанный бечевкой, из которого торчали разноцветные проводки. Стоявшие в дверях бойцы переглянулись и, с трудом сдерживая улыбки на своих круглых курносых физиономиях, как по команде уставились в потолок.

– Вот, – грохнув свертком о стол перед Роговым, сказал Першуткин. – Взрывотехник просил тебе передать. Три с половиной килограмма в кирпичевом эквиваленте. – Он размотал веревку и сорвал обертку. На столе появился сероватый силикатный кирпич, на боковой стороне которого красовалась сделанная черным маркером надпись: «Привет ментам!». – Это для твоего музея. Помни мою доброту!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.